

вместе с советом знати, – это разные политические институты. Таким образом, движение маздакитов можно назвать социальной революцией.

И наконец, проблема, связанная с описанием революций конца XX – начала XXI в. Голдстоун уделяет большое внимание этим событиям, в частности, “оранжевой революции” на Украине и так называемой “арабской весне”. Однако, если пунктуальнее следовать изложенной в книге теории, оценку этих событий следует отложить до будущих времен – когда через несколько десятилетий выявятся их реальные результаты.

В итоге можно констатировать, что рецензируемая монография содержит изложение важных научных результатов, которые помогают понять причины и последствия революционных катаклизмов. При крайнем недостатке в России литературы по теории революции книга Голдстоуна в существенной степени восполняет эту лакуну. Конспективная форма изложения делает эту книгу удобной для студентов и широкого круга читателей.

С.А. НЕФЕДОВ, д. истор.н., проф.
Уральского федерального университета,
ведущий науч. сотр. Института истории и археологии УрО РАН,
Екатеринбург, Россия (hist1@ya.ru)

Sergej A. NEFEDOV, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Ural Federal University; Institute of History and Archeology of the Russian Academy of Sciences Ural Branch (IliA UB RAS), Ekaterinburg, Russia (hist1@ya.ru)

© 2017 г.

**Барсукова С.Ю. ЭССЕ О НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ,
ИЛИ 16 ОТТЕНКОВ СЕРОГО [МОНОГРАФИЯ]. М.: Изд. Дом Высшей Школы
Экономики, 2015. 215 с.**

Аккуратно и искусно выстроенная композиция написанных в 1998–2014 гг. эссе, рецензий, отзывов и заметок – вот что образует основной корпус очередной книги С. Барсуковой. Их автор предстаёт перед читательским взором как активный и оживлённый свидетель. Она присутствует в качестве внимательного и заинтересованного наблюдателя в гуще социально-экономических событий особого класса – разнообразных практик (явных и тайных, демонстративных и имитационных, отважных и робких), обобщающее имя которых – “неформальные экономики”. Этот, на первый взгляд, потаенный мир властно затягивает наблюдателя в свои просторы, что дает право автору заявить: “С упорством, едва ли достойным лучшего применения, вижу мир хозяйствования через прорезь формального-неформального” (с. 124). И этот взор порождает особую стилистику издания – включенные свидетельства.

Итак, исследователь, наработавший за полтора десятилетия фактологически разнообразные, но дискурсивно отрежиссированные в некоей общей тональности тексты, выступает в них в качестве свидетеля. В нынешнюю, тотально письменно-сетевую, информационную эру именно живой свидетель – фигура авторитетная, прочная, солидная и незаменимая. Хороший свидетель – не просто “праздный соглашатель” происходящих событий, но их толковый собеседник и, – имея в виду повышенный уровень его профессиональной искушенности, – эксперт. Сказанное в определенной мере относится и к нашему автору. Начиная с 1998 г., свой аналитический взгляд С. Барсукова направляет на неформальные экономические практики, постоянно подвергая их тщательной экспертизе. Как же выглядит этот непростой и замысловатый мир, к тому же

уже отраженный в рецензируемых работах антропологов, социологов и экономистов, в дискурсе собственно авторских свидетельских показаний?

А выглядит он по-разному, потому что сама манера авторского всматривания в него не однообразна, а каждый раз интерактивна. Образ неформального мира выстраивается в зависимости от архитектоники разглядываемого неформально-экономического полигона. Автор пытается уловить степень обозначенности изучаемых явлений, но сами ее тексты так непривычно для академического взгляда риторически окрашены, что читатель невольно увлекается этим зрелищем переключения обозревающих неформальный мир аналитических и дискурсивных регистров. “Книга – шикарная!”, – не сдерживает, например, ликования С. Барсукова, рассказывая о шестисотстраничной монографии американского антрополога Дж. Скотта. Это не книга, а “изобильное застолье, где по вкусу можно выбрать доказательства из области лесоводства, архитектурных стилей, революций, партийных баталий, аграрного производства, статистического учета, медицины” (с. 13). Такая легко перенастраиваемая исследовательская оптика позволяет автору видеть различные конstellации неформальных экономических действий.

Структура книги композиционно состоит из пяти глав (частей), в которых найдены и систематизированы некие базовые измерения неформальной экономики. Здесь можно рассмотреть и понять причины её развития в глобальной мировой проекции (часть 1), ощутить специфику её отечественного бытования (часть 2), увидеть координаты её дислоцированности в бизнесе и во власти (часть 3), проследить её криминальные изводы (часть 4), и точно нащупать те участки, где неформальная экономика буквально “вживлена” в возобновляющиеся, повседневные трудовые будни субъектов (часть 5).

В текстовом пространстве книги постоянно включена своеобразная “аналитическая стереотруба”. Автор внимательно рассматривает исследовательские усилия своих коллег – отечественных и зарубежных, и таким образом, шагает в компании, от которой можно набраться и умений, и опыта, – в том числе опыта учета промахов и ошибок. Она не только пересказывает прочитанное, но и заявляет о своих собственных аналитических догадках. Так, размышляя о познавательном потенциале упомянутой выше работы Дж. Скотта, автор формулирует важный вывод диагностического свойства: “На каждый тезис власти находится антитезис шумного и неупорядоченного реального мира” (с. 21). Поэтому она советует разгадать в этом “шуме времени” смысловой код “народного антитезиса”, чтобы точнее понять, “куда ж нам плыть...”. А это уже элемент программы профессиональной подготовки современных обществоведов.

О книге оксфордских профессоров “Linking the Formal and Informal Economy: Concepts and Policies” автором сказано, что это объемистый “каталог исследовательских подходов, принципиально различающихся с точки зрения проблематизации неформальной экономики” (с. 36). Следовательно, и здесь названа ориентирующая индукция рассматриваемой книги.

Размышляя о сборнике статей под ярким названием “Борьба с ветряными мельницами? Социально-антропологический подход к исследованию коррупции” С. Барсукова пронизательно заявляет, что “в новых условиях подношения бизнеса неверно трактовать в терминах коррупции, ибо они системно встроены в единую властно-экономическую вертикаль нового российского порядка. Российский крупный бизнес покупает не право использовать власть в своих интересах (суть коррупции), а место в системе “власть–собственность” (с. 51). И это серьезный научный диагноз.

В книге постоянно ощущается индивидуальная стилистическая, а лучше сказать дискурсивная, манера автора. Об этом специально сказано в начале: “Я старалась писать принципиально просто и увлекательно, но без потери содержания, балансируя на грани бережной передачи позиции авторов и собственной интерпретации их взглядов (стр. 10). С. Барсукова выработала персональную походку, весьма подходящую и уместную именно в мизансценах инвентаризации фактов и сценариев неформальной экономики.

Этот дискурс свидетельских показаний обстоятелен (автор *об-стоит* событийные констелляции) и приурочен к ним (свидетельства и оценки возникают не после опытов, а в самой “пересечке с людьми и событиями”). Примеров этого в книге не перечислить. Так, отзываясь об изданной в 2008 г. монографии С. Кордонского “Сословная структура постсоветской России”, где доказывается, что основная цель субъектов российской экономики – борьба за сословную ренту, С. Барсукова, спустя 4 года, в рецензии развивает и уточняет этот тезис: “Усиление борьбы за ресурсы, проявляющееся в публичных скандалах разоблачительного характера, связано с ужесточением ресурсных ограничений. Уже и газ весь за рубеж идет, не доходя даже до деревень ближайшего Подмосковья, и предпринимателей почти полностью в коммерсантов обратили, загнав под всевозможные “крыши”, и милицию в полицию переименовали, создав повод для уменьшения числа служивых в ходе аттестации. А ресурсная база “распила” становится все более конфликтной...” (с. 96). Несомненно, к настоящему моменту эти сценарные линии существенно пополнились – как идеями, так и эмпирической россыпью приемов и техник. Но вектор схвачен точно. Способность видеть будущее, внимательно всматриваясь в злободневное, – свидетельство авторского аналитического чутья.

Дискурс свидетельских показаний сопрягается в тексте книги с попытками подобного угадывания будущих контуров неформального мира. Отзываясь на известную работу А. Леденевой “Russia’s Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange” (1998), посвященную феномену “блата”, С. Барсукова в 2013 г., разглядывая его исторические судьбы, обнаруживает, что “отношения блата имеют эффект “возврата” и в постсоветской России. Знания о блате, навыки его использования не могут исчезнуть вместе с ним. Старая практика в новых институциональных условиях породила новый репертуар действий с опорой на сетевые контакты. Это уже не блат советского образца, но блатной рынок...” (стр. 110). И тут же себя обрывает: “Но это другая тема и другие книги...” (там же).

В любом авторском тексте можно найти отдельные несообразности и промахи. Поищем их и мы. Авторская захваченность и увлеченность, выглядящая на страницах книги в целом весьма симпатично, время от времени калечит дискурс свидетельств, снижая его до журналистских выкриков. Вот, например, С. Барсукова рецензирует книгу А. Коха и И. Свиаренко “Ящик водки” (2005). Ну, посудите сами, уместна ли такого рода интонация: “Прочитала “Ящик водки”. Понравилось. Тут все достойно внимания. Мужчины. Двое. Умные. Что уже немало для тех, кто понимает. Якобы под водочку обсуждают 20 российских лет (1982–2002). Размышлять под их диалог – своего рода интеллектуальное удовольствие. Скажу больше: временами накатывал восторг. Но общего впечатления не испортил. Словом, в щенячьи радости типа “читаем запоем” я, слава богу, не впала. Читала нормально. Обычно заваривала себе чаек – и вперед. Напиток, сами понимаете, сильно проигрывающий водке. Потому и мысли рождались не феерические. Не то, что у авторов, у которых временами все свистело и произрастало так, что дух захватывало. Не скрою, зависть разбирала: всякую ерунду мелют, а свой кайф ловят...” (стр. 150). И еще несколько абзацев в таком же духе... Что-то не хочется после такой – по интонации сетевой, “жежешной”, “фейсбучной” – риторической авторской суетни напрямую обращаться к рецензируемому изданию. Представляется, В.В. Радаев в своем коротком предисловии к книге принципиально прав, сообщая, что ее “автор умеет и любит писать. С. Барсуковой удалось, что бывает тоже не слишком часто, выработать свой авторский стиль” (стр. 7). Но серьезного читателя озадачивают такого рода стилистические авторские проделки.

Разумеется, это мелочи, в определенном смысле даже симпатичные. Однако подобная интонация, вполне отвечающая духу времени, способна невольно принизить и обесмыслить даже самые серьезные авторские высказывания. Вот только один пример. Речь идет о рецензии на монографию Дж. Скотта. Суммируя разложенные в обстоятельной рецензии оценки, любуясь текстом антропологического авторитета, С. Барсукова итожит: “Основная идея книги Дж. Скотта: *власть нуждается*

в упрощениях практики, для чего вводит категории и законы, и неизменно подрывается на результатах своих же усилий". И тут же, не без иронии добавляет: "Потому что нельзя быть наивной такой" (стр.13). В этой мгновенной, стилистически сниженной авторской усмешке над властью явно слышится полузабытый шлягерный мотивчик. Что ж, сказано это лихо и даже пригоже, но эта публицистическая искорка тотчас гаснет – называть власть "наивной" вряд ли пронизательно. Коренная, настоящая наивность симпатична и драгоценна. Наивность – способность в целом продуктивная. Именно с наивности начинаются основные, простодушные, отважные в своей сути, пробы мира. К тому же именно наивность, как писал М.М. Бахтин, систематически "разрушает опыт лицемерия", который так к лицу любой власти. Так что власть – вовсе не "наивна", а замысловато-хитроумна, двулична и часто криводушна. Она "себе на уме" и нередко запутывается в усердно сплетенных ею же самой сетях. Однако, как водится, на хитрую власть всегда найдется беззлобно и упрямо распрямляющая ее кривые закоулки наивность – первообразность и естественность низовых, в том числе неформальных, жизненных практик. Подобного рода мизансцены – образцы озорной, часто скабрешной и срывающей "все и всяческие маски", красоты.

В целом же размышления о неформальной экономике, собранные в книге, весьма интересны, информативны, оригинальны. Они заставляют читателя думать и самостоятельно примериваться к неформальному миру, пытаться понять его, исходя из собственных впечатлений бытия. Вчитываясь в текст, я вдруг вспомнил нечто совсем постороннее, но, как мне кажется, внутренне с работой нашего автора вполне сопрягающееся. Незабвенная Зина, персонаж одной из самых озорных песен Владимира Высоцкого, сидя перед телевизором, с восторгом визжит: "Ой, Вань, умру от акробатиков! / Гляди, как вертится, нахал!..". Неформальная экономика низовых хозяйственных практик – это точно такое же, нахальное и отважное верчение. И вправду, – "хочешь жить – умей вертеться", советует многоопытный народ. Но если акробат вертится в большинстве цирковых номеров в одиночку, то агенты неформальной экономики постоянно нуждаются в партнерских подкреплениях. Такого рода движения обнаружены и разнообразно описаны отечественными и зарубежными исследователями, продуктивные усилия которых, в свою очередь, подробно отрефлексированы и оценены в данной книге её опытным автором.

Можно утверждать, что в своей аналитической оценке этого житейского контрданса (танца между государством и обществом, между соблюдением регламента и ускользанием из его колючих цепей) С. Барсукова, как видно из текста книги, дисциплинированным **умом** дислоцируется на стороне установлений и правил, сочувствующим же **сердцем** – всецело обитает на территории этих изобретательных, повседневных жизненных практик, осторожно обходящих неуклюже расставленные властью препятствия и хитроумно увиливающих от распрямляющих управленческих инициатив. И эти народные практические движения не столь грациозны, сколь животворны и органичны. Эти практики стилистически неподдельны и погружены в ежедневную житейскую круговерть. Поэтому то социально-экономическое поле, где увлеченно и давно работает С. Барсукова, далеко еще не пройдено. И оно ждет новых вдумчивых свидетелей.

В.Г. ВИНОГРАДСКИЙ, д. философ.н., проф.
Саратовского социально-экономического института
(филиала) РЭУ им. Г.В. Плеханова, Саратов, Россия
(vgrape47@yandex.ru).